

Марта Шрайбер преподавала немецкий иностранцам, а Юрий Фролов был ее студентом. После третьего курса Челябинского техникума он по студенческому обмену приехал в Мюнхен. Имя «Юрий» Марта произносила без конечного йота, а слово «Челябинск» не способна была выговорить вообще. Юрий мог бы упростить Марте задачу, назвавшись, скажем, кратким «Юра», но он этого не сделал. Юрий, значит, Юрий — он предпочитал, чтобы его приняли во всей сложности. Впрочем, учебному процессу это не мешало — немецкий Марта знала хорошо, и в данном случае это было главным. В конце концов, для того, чтобы обучать немецкому, не обязательно произносить слово «Челябинск».

Юрий изучал вроде бы немецкий в школе, но по прибытии в Мюнхен знания его не подтвердились. По шестибалльной си-

стеме уровень знаний Юрия оценили как нулевой, что было ему как-то даже и обидно. С другой стороны, по результатам теста Юрия отправили на полугодовые курсы, а это автоматически продлевало его пребывание в Мюнхене. Продлению Юрий был рад, поскольку с возвращением в Челябинск не торопился.

В общей сложности занятия длились семь часов в день. Начинались они с двухчасовой разминки в лингафонном кабинете, а затем, после обеда, группу брала к себе Марта. Она спрашивала домашнее задание и объясняла новый материал. Когда отвечал Юрий, Марта неизменно говорила: «Ваша задача, Юри, избавиться от русского акцента». Несмотря на небольшой преподавательский стаж, девушка различала акценты очень хорошо.

В конце занятий, чтобы снять всеобщую усталость, Марта изображала разные типы произношения — английский, французский, итальянский и, конечно же, русский. Русский у нее получался с раскатистым переднеязычным «р». Показав русский выговор на примере слова «шпрехен», Марта обычно произносила слово «коррида» — и это было по-настоящему смешно. «Шпрррехен, — рычала Марта, наслаждаясь произведенным впечатлением, — а должно быть: шпхехен. Не гром, а ветерок, легкое такое грассирование. Шпхехен. Повторите, Юри». Юрий повторял, и вся группа дружно сползала от смеха под столы.

Занятия заканчивались около восьми вечера. Часть группы шла к ближайшему метро, а часть — в том числе и Юрий — уезжала домой на велосипедах. Посчитав количество предполагаемых поездок, он в первые же дни решил, что дешевле будет купить подержанный велосипед. Дешевле и полезнее для здоровья. К тому же велосипедный путь Юрия домой частично совпадал с путем Марты.

В сущности, их пути могли бы совпадать и полностью (общественные Юрия находилось неподалеку от ее дома), но возле триумфальной арки Юрий сворачивал в Английский сад — огромный парк в центре города. Он ехал по темному парку, а она — по ярко освещенной улице, тянувшейся вдоль парка. Марта не раз пыталась отговорить своего ученика ехать через парк, но он не поддавался. «Чего вам не хватает на этой улице для нормальной езды?» — спрашивала она его. «Риска, — отвечал Юрий, глядя ей в глаза. —

Для русского человека Мюнхен — слишком благополучный город. Мне нужно постоянно чувствовать риск». В глазах Марты не было ничего, кроме удивления.

Стоял конец октября, и, когда они выходили на улицу, было уже темно. В мигающем свете рекламы они отмыкали замки своих велосипедов. Включали велосипедные фонари: Марта — новенький галогеновый, Юрий — старый, работающий на электрогенераторе. Прислоняя колесико генератора к шине, Юрий думал о том, что его мышечная сила, в отличие от батареек Марты, ничего не стоит. При небольшой стипендии, которая ему была назначена, это имело значение.

На широких велосипедных дорожках — например, на Королевской площади — они ехали рядом. На узких дорожках, какие обычно бывают на улицах, Юрий выезжал вперед. Все, что они проезжали, было очень не похоже на Челябинск. Время от времени Марта предлагала остановиться и проводила короткие экскурсии. Она говорила медленно, как на занятиях, но все равно Юрий многого не понимал.

Однажды на площади Каролины Марта показала ему обелиск памяти баварцев, погибших в 1812 году в составе войск Наполеона. Несмотря на то что баварцы сражались в России, надпись на обелиске сообщала, что погибли они за независимость своей родины. Юрия надпись озадачила, но он ничего не сказал. Возможно, в воспроизведении Марты он в очередной раз чего-то не разобрал. Не исключено, наконец, что это была широко понятая независимость.

Нужно заметить, что с каждым днем по-немецки Юрий изъяснялся все лучше. Память его была цепкой, он на лету хватал новые слова и интонации. В их совместных с Мартой поездках Юрий был уже не только слушателем, но все больше и больше — рассказчиком. Как-то раз он рассказывал ей о времени, проведенном в армии, и о том, как научился разбирать автомат Калашникова за шесть секунд. А собирать за двенадцать. «Зачем же его нужно разбирать так быстро?» — спросила Марта. — «Ну, — махнул рукой Юрий, — на всякий случай...» — «Если на случай боя, — продолжала рассуждать Марта, — то автомат нужно не разбирать, а собирать. Я бы вообще сказала, что оружие лучше хранить в со-

бранном виде, а не собирать его в последний момент». Медленное и четкое произнесение прибавляло сказанному убедительности. Как человек, помогший советом в чужой ему области, Марта испытывала легкую гордость.

На досуге Юрий размышлял о том, что и в самом деле не знает, зачем разбирают и собирают автомат на время. Как много, удивлялся он, вещей необъяснимых, но ставших частью русского бытия, — что, собственно, и отличает нас от них. Марта же удивлялась тому, как иррационально устроена русская жизнь. Вот рядом с ней едет симпатичный парень, который, живя в России, зачем-то разбирает и собирает автомат, а оказавшись в Мюнхене, также необъяснимо стремится в неосвещаемый парк. Такого рода вещи, думалось Марте, будут всегда стоять между нами. Это как то, что она блондинка, а он шатен, — это не вытраивается, потому что сидит на генетическом уровне.

В одной из следующих поездок Юрий заметил, что в русской армии много бессмысленного. Он рассказал о том, как перед приездом армейского начальства солдат заставляли пришивать опавшие листья к веткам и красить их зеленой краской. «Зачем?» — спросила Марта. «Затем, — ответил Юрий, — что повсюду осень, а в воинской части — лето». Отпустив на мгновение руль, Марта развела руками как человек, которого уже трудно удивить. Пришивания листьев своими глазами Юрий хотя и не видел, но слышал о нем от армейских «дедов». То, что он действительно видел (например, сало в манной каше), было не менее удивительным, но каким-то совсем уж неаппетитным.

Немецкую лексику Юрий впитывал как губка, и его возможности воспринимать и выражать действительность по-немецки росли не по дням, а по часам. Теперь Марта рассказывала ему не только о Мюнхене, но и о своих летних поездках с родителями. О том, как лежала в Сорренто на черном вулканическом песке, о катании на лыжах под Инсбруком и о посещении Диснейленда под Парижем. Описывала, как всем классом собирали деньги на немецкие книги для детей Зимбабве, как, купив книги, распределили их по десяти посылкам, причем в каждую посылку вложили еще по несколько плиток шоколада. Дети Зимбабве (печальная трель велосипедного звонка) им так и не ответили.

Юрий, в свою очередь, рассказывал о посадке деревьев на школьных субботниках (ни одно не принялось), о работе в стройотряде после первого курса и песнях у костра. Гитару в какой-то момент положили близко к огню, и никто не заметил, как она загорелась. Они с ребятами сидели и слушали звуки лопающихся струн. «Как у Чехова...» — задумчиво сказала Марта.

Однажды Юрий описал ей, как, вооружившись цепями, ездили они с ребятами под Челябинск бить торговцев наркотой. «Зачем — бить?» — спросила Марта. «Так ведь наркотой торгуют...» — «А полиция зачем?» — «Какая полиция... Полиция с ними в доле». Они остановились на красный свет, и Марта повернулась к нему. Произнесла еще медленнее, чем обычно: «В этом, знаешь, разница между нами и вами. Такие вещи должна делать только полиция».

Успехи Юрия в немецком поражали всех. Над ним уже давно никто не смеялся — наоборот, перед занятиями просили просмотреть домашнее задание. Русский акцент Юрия таял на глазах. Его «р» стало образцовым — оно переливалось где-то в глубине горла и вызывало зависть всей группы. Еще одну произошедшую с Юрием перемену заметила только Марта: он перестал ездить через Английский сад. Теперь их пути полностью совпадали. Юрий провожал Марту до самого ее дома, а потом ехал к своему общежитию, до которого было еще минут пять.

Стремительное продвижение Юрия в изучении языка произвело на Марту самое глубокое впечатление. Такой ученик требовал, безусловно, особого внимания, и оно (это отметила вся группа) было проявлено. Все чаще Марта подходила к столу Юрия, предлагая ему ответить на вопрос, вызывавший затруднения у всех остальных. Иногда ставила ногу на перекладину его стула, и ее колено оказывалось у самого лица Юрия. Отвечал он всегда правильно.

Узнав, что Юрий — некрещеный, Марта неожиданно для себя предложила ему креститься. К ее удивлению, Юрий не возражал. Через месяц после этого разговора он был крещен в католической Театинеркирхе, мимо которой они ездили каждый день. В день крещения в храме присутствовала вся группа. По удачному стечению обстоятельств разговорной темой недели была «Религия», и на занятиях Юрино крещение обсуждали во всех деталях.

В один из бесснежных зимних вечеров, садясь на велосипед, Марта сказала: «Сегодня я хочу проехать через Английский сад». На вялый вопрос, зачем ей это нужно, девушка ответила: «В спокойном Мюнхене мне не хватает риска. Вероятно, я стала немного русской». На поездку по парку ее спутник, конечно же, согласился. Когда свернули в парк, Юрий поехал впереди. Он знал здесь каждую тропинку и показывал дорогу. Марта тоже неплохо знала парк, но знала его дневным, а ночью он казался ей незнакомым и пугающим. Это был ненастоящий и приятный страх, потому что впереди, в метре от нее, краснел задний огонек велосипеда Юрия. Этот огонек вел Марту за собой.

Внезапно он погас — одновременно с передним светом. «Генератор, — пробормотал Юрий, останавливаясь. — Придется вам ехать впереди». На весь безграничный парк галогеновая лампочка Марты была единственным светом. Теперь впереди ехала Марта. И хотя она знала, что след в след за ней едет Юрий, прежнего умиротворения уже не чувствовала. Вслушивалась во влажный шепот дороги под шинами, в чмокание рассекаемой лужи (мгновение спустя такое же — из-под велосипеда Юрия), и все это не прибавляло ей спокойствия. Прибавляло тревоги и неуютта того, за чьей спиной едет кто-то не вполне знакомый. В самом деле, насколько хорошо она знала Юрия? И почему это у него так внезапно исчез свет? Потому что — сама же отвечала — все на свете происходит внезапно. И что, спрашивается, он мог с ней здесь сделать? Незаметно поворачивала голову. Что-то определенно мог...

Марта едва не налетела на двух стоявших на дороге людей. В первый момент она их не заметила. Резко тормозя, почувствовала, как заднего крыла ее велосипеда коснулся велосипед Юрия. Стоявшие уступать дорогу не собирались. Когда один из них взял с багажника сумку Марты, стало понятно, что это грабеж. В руках второго блеснул нож, но держал он его как-то неубедительно. У Марты даже мелькнуло в голове, что настоящий грабитель должен держать нож по-другому.

Порывшись в сумке, тот, что без ножа, нашел кошелек и достал из него несколько купюр. Не торопясь, засунул их в карман джинсов. Кошелек вернул в сумку, сумку положил на багажник. Обратился к Юрию: «Деньги, быстро». В отсвете фонаря Марта

видела лицо Юрия — на нем отражалась скорее задумчивость, чем страх. Юрий, поколебавшись, достал кошелек и отдал грабителю. Там была только какая-то мелочь. «Мобильники», — сказал тот, что с ножом. Из отобранных мобильных его товарищ вынул сим-карты и вернул владельцам: «Будете звонить». Нож дважды блеснул над велосипедами, и колеса со свистом сдулись. Сделав шаг к обочине, грабители исчезли.

Какое-то время Марта и Юрий катили свои велосипеды молча. «Это наркоманы, — нарушила тишину Марта. — Вы видели, как у этого типа дрожал в руке нож?» — «Им явно на дозу не хватало», — подтвердил Юрий. Когда они вышли из парка на улицу, Марта сказала: «И правильно, что вы никак не стали им препятствовать». Юрию показалось, что в этих словах промелькнул оттенок разочарования. Он бросил на Марту быстрый взгляд, но ничего такого на ее лице не заметил. «В таких случаях разумнее уступить, — продолжала Марта. — А завтра мы напишем заявление в полицию». — «Да, — согласился Юрий, — пусть этим делом занимается полиция».

Через два месяца они обвенчались.